

ПРОЛОГ

— **П**ожалуйста, вот сюда, отец
Алексей.

Тоненький юноша в темной рясе с накинутым на голову капюшоном молча шагнул в услужливо распахнутую дверь полицейского морга.

— Кто-нибудь еще знает о нашем деле?

— Нет, только вы и я. — Патологоанатом тщательно закрыл дверь. — Сейчас я привезу тело.

Даже если пожилому врачу и было неловко обращаться к молоденькому монаху «отец», он никак не показывал этого. Именно этого юношу старец Никодим оставил своим преемником в Забытой Пустыни, в месте, где, по твердому убеждению знающих людей, пылает огонь истинной веры. А патологоанатом был знающим. Он не забыл, как десять лет назад отвез своего сына, внутренности которого были изъедены метастазами, в Забытую Пустынь, к старцу Никодиму. В онкологическом центре ребенку подписали смертный приговор. Чтобы отменить его, старцу потребовался месяц. Он вернул ребенка отцу, вернул душу. Вернул веру.

Старец считался святым, народ к нему ходил и с хворью, и за советом, и никому Никодим не отказывал до самой смерти. А значит, ошибиться в выборе продолжателя своего дела не мог. И не ошибся. Несмотря на молодость, Алексей ни в чем не уступал

своему учителю: ни в умении врачевания, ни в предсказании будущего. И вера молодого человека была столь же крепкой: силу свою он нес людям искренне, с радостью, полагая, что именно для этого она дарована ему богом.

— Вот. — Патологоанатом подкатил к Алексею лежащее на блестящей металлической каталке тело молодого рослого мужчины. — Из озера выловили.

Монах внимательно осмотрел покойного.

— Где следы?

— На шее, у вены.

Две маленькие ранки, напоминающие укусы змеи.

— Я сразу заметил, что дело нечисто, — шепотом сказал врач. — Раны эти заприметил. А потом вскрываю — бог ты мой, крови в нем нет!

— Ни капли?

— Ни капли, — подтвердил патологоанатом. — Досуха ее упырь выпил.

Монах положил руку на голову покойника и прикрыл глаза.

— Он был с женщиной. — Последовала пауза, врач не дышал. — Женщина его и убила.

— Женщина-упырь, — прошептал патологоанатом и перекрестился. — Господи всемогущий, спаси и сохрани.

— Кому-нибудь говорил? — снова поинтересовался отец Алексей.

— Только вам.

— Что полиции сказал?

— Пока ничего, — признался врач, — время тяну. Не знаю, что делать.

— Скажешь им, — после минутного раздумья решил монах, — что утоп раб божий. Захлебнулся в озере.

— Понятно, — кивнул патологоанатом, — а как с упырем быть? Ведь страшно же!

— А об упыре забудь, — сурово произнес отец Алексей. — Он в одном месте дважды не появляется, так что спи спокойно.

— А остальные люди? — Врач набросил на тело простыню. — Он ведь дальше убивать будет.

— Я же сказал: забудь, — недовольно повторил монах. — Отыщем мы упыря.

Выйдя на улицу, Алексей отошел к могучему дубу, стоящему неподалеку от здания, прислонился к стволу и несколько минут просто стоял, рассеянно теребя рукой простенькую веревочку, которой был подпоясан. Теплая летняя ночь жадно пожирала остатки света, торопливо набрасывая на землю свой сумрачный покров, черная ряса монаха сливалась с деревом, и праздные прохожие, медленно прогуливающиеся по улице, при всем желании не могли заметить молодого человека.

«Упырь». Монах задумчиво посмотрел на проходящих мимо людей. Для большинства из них вампиры не более чем сказка, остроумная выдумка, позволяющая хорошо зарабатывать продюсерам фильмов ужасов. Фольклорные персонажи. Скажи кому-нибудь из них, что вот за этой стеной, в полицейском морге, лежит жертва упыря, а патологоанатом грызет авторучку, пытаясь сострять правдоподобный отчет для начальства, — засмеют! Подведи их к трупу и покажи полное отсутствие крови — не поверят. Да и как в это можно поверить? Как можно поверить в то, что в Москве, в огромном городе, всего в десятках километров отсюда, помимо обычных людей, живут последние представители давно забытых цивилизаций? Существа, обитавшие на Земле задол-

го до появления человека и не имеющие с этим самым человеком ни одного общего гена?

Алексей хорошо помнил удивление, испытанное им, когда старец Никодим впервые поведал юному послушнику о существовании нелюдей и о том, что высокие московские дома причудливо сочетаются с постройками Тайного Города, самого древнего поселения на Земле. Он помнил рассказы о грозных Великих Домах, некогда правивших миром, о магах, умеющих все или даже чуть больше, и о многочисленных семьях, некоторые представители которых послужили в свое время прообразом фольклорных персонажей. Как, например, вампиры.

Молодой монах вздохнул. Ужасный след, оставленный убийцей, вновь разбудил сомнения, изредка терзавшие его молодую душу. Сомнения небеспочвенные, и от того еще более неприятные. С одной стороны, его учителя, старца Никодима, почитали святым. И его самого будут почитать, в этом Алексей не сомневался. Но, с другой стороны, существуют люди, обладающие такими же способностями и даже превосходящие его, Алексея, и в умении врачевания, и в таланте видеть будущее, и во многих других умениях, о которых он даже не догадывался. Люди, для которых волшебство являлось такой же обыденностью, как, например, электричество. Эти люди жили в Тайном Городе и читали сказки, как чьи-то мемуары. Существование этих людей заставляло Алексея задуматься о том, прав ли он, скрывая свою истинную сущность под сутаной? Прав ли он, что прикрывается именем бога? Прав ли он, вводя в заблуждение свою паству? Ведь не святой он, совсем не святой...

Монах снова вздохнул, рассеянно вытер ладонью

высокий лоб и покачал головой, словно отбрасывая прочь ненужные мысли.

У него есть призвание, у него есть долг — и в этом его сила. Он обязан делиться своим даром с людьми, и то, что он делает это, облачившись в рясу, ничего не меняет. Главное сейчас — вампир. Никто не имеет права убивать безнаказанно.

Даже в Тайном Городе.

Часть I

НАПЕРЕГОНКИ С МИРАЖОМ

КОНСТАНТИН

Константин Куприянов покинул VIP-ложу стадиона «Динамо» в самом скверном расположении духа. Это был довольно высокий, сухощавый мужчина, тридцати восьми лет, с несколько длинноватым носом, большими карими глазами, тонким ртом и темными, с проседью волосами, уложенными в аккуратную прическу. В целом его лицо можно было назвать приятным, внушающим доверие, но, увы, не сейчас, и на это была весомая причина. «Спартак», любимый «Спартак», безвольно, а самое главное — по делу, уступил своему основному преследователю в чемпионской гонке — «Локомотиву». Уступил, выигрывая 0:2 к концу первого тайма, пропустив во втором, на глазах у тысяч болельщиков, специально собравшихся посмотреть на порку честолюбивых выскочек, три образцово-показательных мяча от настырных «паровозов». Давно, очень давно, со времен игр с «Кошице», Куприянов не чувствовал себя таким раздосадованным. Он криво усмехнулся шумной радости красно-зеленых «викингов», сомкал программку и молча, иногда кивая знакомым болельщикам, добрался до своего «Мерседеса». Владея, водитель-телохранитель, уже знал о случившейся неприятности и потому старался быть как можно более незаметным. В принципе Куприянов был хорошим шефом: достаточно внимательным, не капризным, без комплекса Наполеона, но в редкие ми-

нуты дурного настроения под руку ему лучше было не попадаться и персоной своей не надоедать.

За всю дорогу Константин произнес только одно короткое предложение. Сквозь зубы. Когда на «Спорт FM» комментировали результаты состоявшегося тура. После этого он выключил приемник и ехал дальше в полной тишине.

Куприянов вошел в дом в одиннадцатом часу. Молча, не попрощавшись, вопреки обыкновению, с водителем (из чего Володя понял, что шеф по-прежнему недоволен), Константин вошел в особняк, швырнул пиджак на стоящий в холле диван и направился в гостиную.

— Добрый вечер. — Вера, симпатичная женщина с большими ореховыми глазами, оторвалась от журнала.

— Привет, родная. — Куприянов рассеянно поцеловал жену в каштановую макушку и направился к бару. — А мы сегодня проиграли.

— Крупно?

— Два — три.

— Вы все равно чемпионы.

— На это невозможно было смотреть. — Константин плеснул себе виски, залпом выпил, но недовольство не отпускало. — Ни мысли, ни игры, ни желаний. «Паровозы» просто издевались над нами!

Вера закрыла журнал.

— Костик ждал тебя весь вечер. — Куприяновы назвали сына в честь отца. — Ты обещал, что будешь с ним рисовать.

— Ты же знаешь, что я всегда хожу на футбол, — буркнул Куприянов.

— Ты сам ему обещал, — мягко произнесла Вера. — Мог бы лучше планировать свое время.

«Проклятие!»

Куприянов вспомнил, что действительно давал ребенку обещание. Обычно тур проходил по субботам, и он просто не сориентировался, что на этот раз окажется на стадионе в среду. Нехорошо получилось. Чувство вины и раздражение от проигрыша любимой команды смешались в гремучую смесь.

— Он обиделся?

— Расстроился, — сухо подтвердила жена.

— Ты могла мне позвонить!

— Я звонила.

Куприянов вспомнил проигнорированную трель мобильного телефона в начале первого тайма.

«Могла бы быть и настойчивее!»

Он знал, что виноват, но признаваться в этом не хотелось. В бокал полетела следующая порция виски. Надо было отключиться, выбросить все из головы и отдохнуть.

«Завтра куплю Косте какой-нибудь подарок и восстановлю мир».

— Ты не так много времени проводишь с ним, — негромко продолжила Вера. — Костик все понимает, он взрослый, но, когда ты обещаешь и забываешь об этом, он, разумеется...

— Хватит читать мне мораль!

— Я просто хотела... — Вера удивленно посмотрела на мужа.

— Да, я забыл, мне стыдно! — рявкнул Куприянов. — Все? Может быть, хватит об этом?

— Почему ты так говоришь со мной? — вспыхнула Вера. — В конце концов, это ты обманул сына.

— Никого я не обманывал!

Куприянов резко поставил бокал и направился к выходу из гостиной. Выслушивать претензии жены было выше его сил.

— Костя...

— Я поеду искупаюсь, — не оборачиваясь, бросил Куприянов. — И сразу вернусь!

— Может, это тебя остудит!

Вера откинулась на спинку дивана, закусила губу и тыльной стороной ладони вытерла выступившие на глазах слезы.

Что такого она сказала? Почему он так среагировал? Ведь она просто хотела заметить мужу, что он неправильно поступил, нарушив данное сыну слово, а в результате — скандал. Неужели он действительно так злится из-за какого-то поганого «Спартака»? Неужели это действительно настолько важно? Важнее, чем сын?

Этого Вера понять не могла.

«Ладно. — Она взяла себя в руки. — Кот вернется через час».

Вера знала, что муж обожал купаться по ночам и, какое бы настроение у него ни было до этого, всегда возвращался довольным и добрым. А в том, что он поехал один, не было ничего странного: она не всегда соглашалась сопровождать его на озеро, предпочитая бассейн или ванну.

«Дождусь его, и тогда поговорим».

Куприянов, как был, в брюках от костюма, дорогих туфлях и белоснежной рубашке, выскочил из дома и решительно направился в гараж за открытым «Рэнглером», специально приобретенным для летних прогулок.

— Константин Федорович, мне поехать с вами? — Массивная фигура Володи мгновенно выросла около шефа.

— Нет! — сначала Куприянов ответил резко, но затем, оценив предупредительность телохранителя, сбавил обороты: — Спасибо, Володя, я просто поеду

искупаюсь. Ты знаешь куда. Там вряд ли будет кто-нибудь еще.

Шеф поругался с женой и хочет побыть один. Теплохранитель прекрасно знал глухой уголок на берегу озера, который Куприянов любил больше всего. Ехать до него всего ничего, и там действительно вряд ли будут другие люди.

— Я подгоню ваш джип, Константин Федорович, — кивнул Володя, — и возьмите, пожалуйста, телефон. — Он протянул Куприянову мобильную трубку. — Я буду ждать вашего возвращения.

— Конечно.

Это действительно был не его день. Без всякого сомнения.

Когда слегка успокоившийся Куприянов подъехал к озеру, он с неприязненным удивлением обнаружил на «своем» месте черный «Мустанг», нахально блестевший под круглым ночным светилом. Это было настолько неожиданно, что сначала Константин даже не поверил собственным глазам: Куприянов был уверен, что дорогу в этот уединенный уголок знают только он и лесник. Вот уже три года он не видел здесь не то чтобы чужую машину, а даже туристов-палаточников или просто отдыхающих, это было секретное место, «его» место, и вот — здрасьте! Мало того что черный жеребец оказался в этом уголке, так его еще и поставили именно там, где обычно ставил свою машину Куприянов: прямо посреди узкой дороги, носом в обратную сторону, не оставляя никому шансов проехать дальше.

Константин тихонько выругался, выключил двигатель и задумался. Уехать? Оставить «свое» место неведомым захватчикам? Разум подсказывал, что это будет самым правильным решением. Одинокая ма-

шина в тихом лесном уголке, наверняка ее пассажиры не случайно заехали в такую глушь. Скорее всего у них вполне определенные планы, и появление Куприянова придется совсем некстати. Ну, не успел. День сегодня такой.

Константин выбрался из «Рэнглера» и подошел к «Мустангу». Его догадка оказалась верна: в незапертом салоне автомобиля была беспорядочно разбросана одежда. Мужская и женская. Куприянов скривился и посмотрел на номер «Мустанга»: «АННА». Ни у кого в округе, Константин знал это точно, не было «Мустанга» с такими номерами.

Анна. Куприянов задумчиво покрутил на пальце ключи от джипа. Злость постепенно уходила, оставляя после себя лишь легкое чувство досады.

Анна Каренина. Аннушка разлила масло. Анкапулетчица. Глупые ассоциации. Константин вздохнул. Ладно, Анна Болейн, не буду тебе мешать, в конце концов, искупаться можно и в любом другом месте.

Куприянов сделал шаг к «Рэнглеру», когда со стороны озера послышались залихватистый женский смех и плеск воды. Что и требовалось доказать.

Еще один шаг.

Смех стал чуть громче.

Очень приятный тембр. Константин давно заметил, что лишь немногие люди могли похвастаться красивым смехом. Обычно он звучал либо слишком громко, либо слишком тонко, либо это были вообще непонятные каркающие звуки, доставляющие удовольствие исключительно своему обладателю. Смех, доносящийся с озера, был редким исключением. Он звучал радостно, заразительно и очень приятно на слух.

Куприянов помедлил и непроизвольно улыбнулся. Чертова русалка.

Послышались невнятные голоса и снова удивительный и озорной смех. Он должен увидеть его обладательницу. Константин сунул ключи в карман и осторожно направился к берегу озера.

Огромный диск полной луны нависал над ровной, как сковорода, поверхностью озера, заливая ее волшебным серебряным светом. Деревья, контуры которых были едва различимы на фоне усыпанного звездами неба, молчаливой стражей окружали берега, периодически напоминая о себе легким шелестом листьев. Где-то далеко-далеко по-хозяйски ухали совы, но их переключка лишь подчеркивала удивительную тишину, царящую в этом чудном уголке.

Женщина, чей смех привлек Константина, медленно шла по искрящейся в лунном свете воде. Куприянов прекрасно знал, что в этом месте песчаная отмель далеко вдается в озеро, но все равно ему показалось, что незнакомка ступает прямо по звездам, отражающимся на спокойной поверхности. Настолько грациозны и легки были ее движения, настолько волшебно выглядела она, закутанная лишь в прозрачные лучи ночного светила.

«Ты увидел, что хотел? Теперь уходи».

«Еще чуть-чуть. Я хочу увидеть ее лицо».

Больше в этот вечер голос разума Константина не тревожил.

— Ты прекрасна!

Куприянов даже вздрогнул, когда громкий мужской голос грубо вторгся в чудную картину, открывшуюся перед его глазами. Он совсем забыл, что женщина была не одна.

— Ты сводишь меня с ума!

С этим заявлением трудно было не согласиться.

Пышные черные волосы красавицы густой волной спадали на плечи, оттеняя стройную шею и лицо, которое Константин пока не мог разглядеть. Зато он видел крепкие полушария груди, игриво поблескивающие в лунном свете, ладный, подтянутый животик, тонкую талию и упругие, округлые бедра, способные свести с ума любого мужчину.

Русалка остановилась и медленно подняла вверх свои прекрасные волосы.

— На кого я похожа?

— На королеву Луны!

Над озером вновь зажурчал ее задорный смех. Красавица томно изогнулась, лаская тело в свете блекнувших на ее фоне звезд. Черные волосы вновь рассыпались по плечам, а ладони скользнули по бедрам. Мужчина на берегу застонал.

— Иди ко мне, моя королева!

Куприянов в бешенстве прикусил травинку: голос мужчины вырвал его из сладкого забытья, на мгновение ему показалось, что восхитительная русалка приближается к нему.

Только к нему.

— Я — королева Луны! Я — повелительница ночи! — Голос у черноволосой красавицы был грудным, с легкой хрипотцой, придающей ему дополнительное очарование. — Я — хозяйка твоих грез!

Роскошный танец удивительной незнакомки ничем не напоминал заученные движения дешевой стриптизерши. В нем чувствовалась настоящая вулканическая страсть, в которой могли бы сгореть даже звезды. В нем причудливо сплелись первобытный огонь, губительный для доверчивых мотыльков, и томная нега, заставляющая забыть обо всем на свете, грациозность пантеры, играющей со своей жертвой, и беззащитная, манящая мягкость влюбленной ру-

салки. Он очаровывал и пугал одновременно. Он наполнял желанием. Гипнотизировал.

Куприянов не сводил с незнакомки глаз, жадно фиксируя каждый изгиб, каждую линию ее роскошного тела, каждый жест и поворот головы. И в тот момент, когда он снова забылся и ему стало казаться, что пылающий танец русалки предназначен только для него, призрачная фея сделала несколько шагов, вышла из воды и скрылась из виду.

Проклятие!

Очарованный, переполненный любопытством и желанием, Константин осторожно передвинулся на несколько метров вперед и медленно раздвинул ветки кустарника. Теперь прекрасная брюнетка и ее спутник были перед ним как на ладони, и Куприянов почувствовал пронзительно-острый укол ревности — она была в объятиях мужчины! И в каких объятиях!!

На песчаном берегу озера черноволосую русалку поджидал настоящий неандерталец. Гигантского роста бритый самец с чудовищно, как показалось Константину, раздутыми мышцами. Когда Куприянов занял новый наблюдательный пункт, неандерталец уже лапал чарующее тело красавицы. Распаленный страстным танцем, лапал грязно и похотливо, совершенно не обращая внимания на неземную, захватывающую красоту обласканной Луной женщины. В нем тоже было что-то первобытное. Животное.

Почему она с ним? Константин машинально сжал кулаки. Будь оно все проклято!!

Ревнующий, оскорбленный, охваченный жгучим желанием, он хотел уйти, но был не в силах оторвать взгляд от брюнетки. Ее красота полностью овладела сердцем Куприянова и повелительно приказывала: останься! Ее красота... Вьющиеся волосы достигали

высокой груди незнакомки, на правом полушарии которой была вытатуирована ящерица, волосы чуть закрывали ее. Живые черные глаза блестели в окружении невероятно длинных и пушистых ресниц. Стрелы бровей, высокие скулы, ямочки на щеках, аккуратный носик, полные губы. В ней было что-то восточное. В ней была тайна, и в ней был пожар. Черный пожар. Черный пожар волос, черный огонь глаз, черное мерцание ногтей. Все оттенки черного переплелись в пылающей на берегу русалке. Все оттенки черного играли с Куприяновым в безжизненном свете Луны.

И вырваться из черного пламени у него не было сил.

Константин жадно ловил каждое движение женщины: как грациозно она склонилась над неандертальцем, как властно вдавила в песок его широченные плечи, как медленно оказалась на нем. Мужчина застонал, и его громадные, лопатообразные ладони сжали бедра красавицы. Женщина чуть откинулась назад, слегка прикусила нижнюю губу и закрыла глаза. Лунный свет нежно окутывал ее изогнутую спину, упругую грудь и напряженное лицо.

Неандерталец рычал.

Глаза Куприянова залил пот, и эта едкая соленая жидкость немного отрезвила его. Константин медленно попятился, выбрался из кустарника, вытер лоб рукой и побрел к своему джипу.

Он дрожал.

Впервые в жизни Куприянов наблюдал вблизи чужую любовь. Даже не любовь — обжигающую страсть, о существовании которой он уже начал забывать. Страсть, пронзающую душу, пропитывающую насквозь, выворачивающую наизнанку, повелевающую забыть обо всем на свете. Страсть поглотила Константина, накрыла его с головой и требовала не-

медленного выхода. Куприянов давно не испытывал такого неудержимого желания, такой жажды женской близости. Черный огонь ослепительной незнакомки пожирал его душу.

Он требовал...

И все-таки Константин задержался у «Мустанга». Зачем? Он вряд ли смог объяснить. Просто был не в силах пройти мимо.

«АННА».

Медленно, с какой-то пугающей внимательностью Куприянов оглядел брошенную в салоне одежду: мужские брюки, пиджак, дорогое женское белье, и его взгляд остановился на изящной дамской сумочке, небрежно стоящей на переднем сиденье. Повинуясь какому-то дикому, неестественному порыву, Константин распахнул дверцу «Мустанга». В ноздри ему ударил дразнящий запах мускуса.

Ее запах.

Куприянов открыл сумочку.

Они сразу же бросились в глаза. Блестящие, изогнувшиеся змеиными кольцами, привлекающие внимание.

Черные четки.

Пребывая в полной прострации, Константин жадно схватил их, сунул в карман, бросил сумочку обратно на сиденье, захлопнул дверцу «Мустанга»...

«АННА».

...и быстро, словно испуганный школяр, бросился к своей машине.

АННА

Она редко ошибалась в выборе мужчины, умея с одного взгляда оценить, чего стоит и чего заслуживает очередной самец, пожирающий глазами ее тело. Не ошиблась и на этот раз. Хотя нет, наверное, все-

таки ошиблась. В положительную сторону. Ее нынешний спутник оказался гораздо лучше, чем она ожидала. Как его зовут? Колян? Вован? Столь мелкая подробность давно выветрилась из черноволосой головы Анны, а вот сам жеребец запомнится. Крепкий, огромный, неутомимый, он буквально терзал ее, заставляя испытывать ни с чем не сравнимое чувство болезненного наслаждения. Она отключилась, в кровь искусав нижнюю губу и чувствуя только его грубые и сладкие руки, бешеное желание и неукротимый напор.

Анна даже вскрикнула в тот момент, когда жгучая волна раскаленного удовольствия поглотила ее с головой, а стальные объятия любовника едва не раздавили кости. Вскрикнула по-настоящему. Такое с ней случалось редко.

— А ты сильна, — с уважительным высокомерием сообщил мужчина. — И то, как ты... — подбирая слова, он описал в воздухе несколько кругов рукой, — то, как ты делала это в воде. Мне понравилось.

— Я — королева Луны. — Ее черные глаза были устремлены на нависший над озером огромный диск ночного светила, чей серебряный свет нежно ласкал ее тело, не позволяя почувствовать ночной холод. — Я — повелительница ночи.

— Конечно, конечно, — легко согласился Колян (Вован?).

— Ты мне не веришь?

— Я же сказал: конечно.

— Посмотри, как мне идет лунный свет. — Анна томно потянулась. — Мы созданы друг для друга!

— Всем женщинам идет лунный свет. — Его огромная ладонь по-хозяйски смяла ей грудь. — Вы созданы для этого.

Теперь он навалился на нее сверху. Грубо, жадно.

— Хочешь еще?

— А ты уже устала? Я слышал о тебе совсем другие истории.

— Неужели?

Анна тихо простонала и скрестила за его спиной ноги, крепко-накрепко прижав любовника к себе.

— Другое дело!

Она провела рукой по его огромным плечам.

— Хочешь чего-нибудь остренького?

— Я слышал, ты большая мастерица по этой части. — Его горячее дыхание обожгло ей щеку. — Настоящая кошка.

— А кошку украшают когти.

Ее черный, твердый, как тигриный, коготь скользнул по плечу Коляна (Вована?). Из глубокой царапины выступила кровь.

— Это все, на что ты способна?

— Это только начало, — улыбнулась Анна и жадно слизнула солоноватую полоску. — Это только начало.

— Надеюсь!

Снова пришлось закусить губу — он был очень хорош, — когда же она перевела дыхание, из-под ее полных губ показались два длинных клыка. Анна еще теснее прижала любовника к себе.

— Да!

Он действительно был хорош. Ее губы дрожали, а тело уже продавало в песке глубокую ложбинку.

Ее черные глаза покраснели.

Колян (Вован?) был полностью поглощен делом.

Анна нежно укусила любовника в бычью шею, рядом с яремной веной. Она знала, что эта ласка понравится ему, и действительно Колян (Вован?) издал довольное урчание и еще активнее задвигался на ней. Она снова чуть откинула голову, снова закусила

губу, перевела дыхание, улыбнулась, слизывая с полных губ кровь, и, наконец, впиалась в него по-настоящему, полностью погрузив длинные клыки в могучую шею.

— Да! Да!! — ревел он, двигаясь с интенсивностью гидравлического пресса.

Его напор не ослабевал, усиливался, заставляя Анну непрерывно вздрагивать от неопишуемого наслаждения. И она вздрагивала, не отрываясь от его шеи, жадно глотая солоноватую жидкость и чувствуя, как, поглощенный страстью, он отчаянно напрягает все силы, чтобы продолжить свое дело, как этих сил становится все меньше и меньше, а его усилия все слаще и слаще для нее, даруя острое, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Они вскрикнули одновременно.

Он резко вытянулся в струну, его могучее тело судорожно сделало последний рывок и, обессиленное, выжатое досуха, упало на нее. И в миг этого последнего движения Анну пронзила такая яркая вспышка, что она тоже не смогла удержаться от возгласа. Она оторвалась от шеи любовника, и громкий, полный пронзительного удовольствия стон прозвучал над темными водами озера. Ее длинные ногти еще несколько мгновений, по инерции, царапали широкие плечи Коляна (Вована?), но кровь из царапин уже не выступала.

Пару минут она приходила в себя, затем с неожиданной силой отбросила безжизненное тело любовника в сторону, легко поднялась и, потная, окровавленная, потянулась навстречу полной Луне. Прозрачный свет пронзил прекрасное тело повелительницы ночи. Она вскинула руки.

— Я — королева Луны! — Ее черные глаза сияли ярче боязливых звезд. — Я — хозяйка Вечного Мра-

ка! — Притихли даже совы, лениво перекликавшиеся где-то далеко-далеко. Окутанная тьмой земля внимательно вслушивалась в слова купающейся в серебре черноволосой женщины. — Я — черное пламя страсти!!

Анна рассмеялась своим чарующим, озорным смехом и легко побежала по лунной дорожке, вызывая целый фонтан блестящих брызг.

— Никто не может сравниться со мной!!

Холодная вода послушно приняла ее разгоряченное тело.

КОНСТАНТИН

В спальне был полумрак: Вера специально не выключила один ночник, чтобы Константин не блуждал в темноте, и крепко спала, свернувшись калачиком на своей стороне широкой кровати. Снедаемый жгучей страстью, Куприянов быстро сбросил одежду, забрался под одеяло и нежно провел рукой по плечу жены:

— Вера.

Она сонно улыбнулась, пробормотала что-то, но не открыла глаз.

— Вера!

Он взъерошил ее короткие каштановые волосы, поцеловал шею, нежно укусил в розовое ушко, провел рукой по бедру, но все было напрасно: женщина не просыпалась. Страсть горела в нем диким лесным пожаром.

— Вера!!

Константин раздраженно закутался в одеяло и повернулся к жене спиной. От черных четок, выпавших из кармана, по спальне распространился легкий, едва осязаемый аромат мускуса.

Страсть, разбуженная ночью, не отпускала ни на минуту.

Проснувшись, а он всегда просыпался ровно в половине восьмого без всякого будильника, Куприянов снова попробовал разбудить Веру. И снова безуспешно. Сонная жена лепетала что-то бессвязное, улыбалась, но упорно не желала открывать глаза.

«Приняла снотворное? — Константин знал, что Вера иногда употребляла его. — Может быть, вчера, после скандала, она специально наглоталась таблеток, чтобы я не мог ее добудиться?»

Раздраженный мужчина принял обжигающе холодный душ, но успокоения он не принес: Куприянов по-прежнему горел. Вернувшись в спальню, он еще раз попытался растормошить жену, но вскоре прекратил бесполезные попытки и начал одеваться.

Черные четки Константин положил в карман пиджака.

И всю дорогу до офиса задумчиво перебирал блестящие бусины, изредка улавливая исходящий от них легкий аромат мускуса.

Ювелирная компания «Куприянов» занимала прекрасно отреставрированный трехэтажный особняк на Пятницкой улице. В свое время Константину пришлось крепко постараться, чтобы выкупить это здание, памятник старой московской архитектуры. На его счастье, после семидесятилетнего красного варварства особняк находился в таком состоянии, что спасти его могла только срочная и дорогостоящая реконструкция. Константин нашел деньги, клятвенно пообещав, что дом примет первозданный облик, и городские власти пошли ему навстречу. Так сбылась очередная мечта Куприянова. Он выбрал Пятницкую не по соображениям престижа —

«центр Москвы, знаете ли», — а по любви. Он обо-жал эту кривоватую улицу, обрамленную еще более кривенькими переулками, на которой местами еще сохранился дух старого Замоскворечья, дух купцов и меценатов. Константин вырос здесь, и потому, подбирая особняк для своей фирмы, он даже не рассматривал никакие другие варианты. Только здесь.

Страсть не отпускала его.

Продолжая мрачно перебирать черные четки, Куприянов поднялся на третий этаж, сухо кивнул расчесывающей волосы секретарше и прошел в свой кабинет.

— Леночка, сделай, пожалуйста...

— Кофе уже готов, Константин Федорович.

Впервые за все утро на губах Куприянова промелькнуло слабое подобие улыбки: Леночка всегда на лету угадывала его желания. Все желания.

Он бросил четки на стол и улыбнулся вошедшей в кабинет девушке.

— Спасибо.

На Леночке была тоненькая темная блузка, строгая юбка чуть выше колен, черные чулки и туфельки на высокой шпильке. Стройную шею украшало жемчужное ожерелье. Его подарок.

— У вас плохое настроение? — Она склонилась, ставя поднос с кофе на стол, и в вырезе блузки мелькнуло черное кружево лифа.

— Было плохое. — У Леночки была ладная спортивная фигурка: длинные стройные ножки, тонкая талия и красивые руки. Куприянова захлестнуло желание. — Было плохое, пока я не увидел тебя.

— Я так и поняла.

Она задержалась еще на секунду, а затем откину-

ла с лица шелковистые светлые волосы и посмотрела на Константина:

— Что-нибудь еще?

Куприянов молча увлек Леночку к себе на колени и жадно впился в ее губы.

— Костя, дверь...

— Конечно. — Он выпустил девушку из объятий, но не сводил глаз с ее стройной фигурки.

Леночка игриво улыбнулась, быстро закрыла дверь в приемную, вернулась в кабинет и, остановившись в дверях, стала медленно расстегивать блузку. Куприянов ослабил галстук.

ВЕРА

Неожиданно для самой себя Вера проснулась очень поздно, почти в половине двенадцатого, проспав и завтрак, и, что уж она совсем никогда себе не позволяла, утреннюю встречу с четырехлетней Наденькой.

Обычно, услышав, как поднимается Костя, как он тихонько выходит из спальни, осторожно прикрыв за собой дверь, Вера еще дремала какое-то время, недолго, минут пятнадцать-двадцать, поднималась, принимала ванну и выходила проводить Костю младшего в школу. Правда, сейчас было лето, но она все равно поднималась — по привычке. Затем следовал легкий завтрак, который Ольга Петровна, экономка и домоправительница, накрывала в столовой, и после этого Вера шла будить Наденьку. Несмотря на то что к Наденьке была приставлена Клавдия Степановна, квалифицированная и опытная гувернантка, Вера всегда будила дочку сама, считая, что первая улыбка ребенка должна принадлежать матери, и никому более. Ну, может быть, отцу. И только.

Вера сама расчесывала каштановые кудри дочери, такие же густые, как у Кости-старшего, сама одевала ее и отводила на завтрак, где и передавала в опытные руки Клавдии Степановны. Так было всегда, но не сегодня.

Сегодня Вера проснулась почти в половине двенадцатого. Отдохнувшая, посвежевшая, с ясной головой и прекрасным настроением. Она совершенно не слышала, как вечером вернулся, а утром уехал на работу Костя, не позанималась с дочерью. То ли от обиды за испорченный вечер, то ли из-за накопленной усталости, но Вера спала как мертвая, мгновенно отключившись, едва ее голова коснулась подушки.

И спала она крепко, без сновидений.

Открыв глаза, Вера блаженно потянулась, нежась на простынях, и улыбнулась, глядя, как солнечные лучи игриво скачут по спальне.

«Может, стоит почаще ругаться с мужем? — весело подумала она, наслаждаясь безмятежным бездельем. — Оказывается, вечерний стресс благотворно действует на организм».

Даже мысль о ссоре с Костей не вызвала у Веры обычной в таких случаях напряженности.

«Все будет хорошо. Просто вчера был трудный день для всех. Не наш день. Сегодня все иначе».

Вера поднялась, накинула легкий халат и выглянула в окно: Наденька под бдительным оком раскачивалась на установленных в саду качелях. Половина двенадцатого, через полчаса они направятся в бассейн.

«Надо будет присоединиться к ним там, — решила Вера. — Наденька наверняка спрашивала, где мама».

Мысли о дочери еще больше приподняли ей настроение. Мурлыкая под нос старую песенку, Вера

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
Часть I	
НАПЕРЕГОНКИ С МИРАЖОМ	10
Часть II	
ПОД ОБЛОМКАМИ ПРИЗРАЧНЫХ ЗАМКОВ	203
Эпилог	442